

© 1997 г. А.Н. Шаламова

СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА XI–XVII вв.: ПРОБЛЕМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

(по материалам авторских томов)

1. ВВЕДЕНИЕ

Необходимость создания полного исторического словаря русского языка назрела давно. К настоящему времени для всех европейских (и многих неевропейских) языков, имеющих большую культурную традицию, исторические словари составлены или составляются. Трудность выполнения этой задачи применительно к русскому языку, как это ни парадоксально, определяется в значительной степени грандиозностью письменного наследия, оставленного столетиями развития русской культуры. Огромная масса памятников письменности остается доньше неопубликованной; имеющиеся издания, за исключением нескольких, выполненных лингвистами (преимущественно в последние десятилетия), не снабжены словоуказателями.

Обязательное условие для создания словаря – наличие картотеки с возможно более полным охватом памятников письменности и максимально возможным отражением их лексики во всех ее семантических оттенках. Картотека древнерусского словаря (далее – картотека ДРС), хранящаяся ныне в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН, составлялась усилиями нескольких поколений ученых начиная с 1925 года; начало этой работы было положено академиком А.И. Соболевским. Специфика исторических условий, в которых создавалась картотека, определила некоторые ее особенности: преимущественное внимание к памятникам деловой и бытовой письменности и зарождающейся светской литературы, весьма неполное отражение лексики переводной богослужебной, богословской, гомилетической, аскетической и агиографической литературы, почти полное игнорирование текстов Священного писания; частичное исключение в этом отношении составляла выборочно расписанная Геннадиевская библия 1499 года (без Нового завета). "Книги XII пророков" в издании Н.Л. Туницкого – в напечатанную первую часть вошли только шесть "малых пророков" – присутствуют в картотеке в чрезвычайно редких выборках; Чудовская псалтырь XI в. и Лествица Иоанна Синайского в русском списке XIII в., числящиеся в списке источников картотеки, по каким-то причинам не были расписаны. Не были даже включены в список источников Пандекты Никона Черногорца, Златоструй полной редакции; из Златоструя краткой редакции – памятника с богатейшей и интереснейшей лексикой¹, – были выборочно расписаны первые десять слов (т.е. гомилий) по публикации, подготовленной В.Н. Малининым. Евангелие, Апостол (за исключением редких выборок из изданий Г.А. Воскресенского), паремейники, рукописные Книги пророков, восходящие к оригиналу XI в., Псалтырь – важнейшие источники для понимания древне- и старорусских текстов – не нашли отражения в картотеке. Невостребованным оставалось лексическое богатство Изборника 1073 г.

¹ Полный его текст по списку XVI в. напечатан в ВМЧ за ноябрь. Сокращенные наименования источников даны по Указателю источников Картотеки СлРЯ XI–XVII вв. (М., 1984) и Дополнениям к Указателю источников, печатавшимся в т. 15 (М., 1989) и т. 20 (М., 1995) СлРЯ XI–XVII вв. При цитировании материалов СДР XI–XIV даются сокращения, принятые в этом издании.

Такая специфика картотеки неизбежно должна была сказаться на облике составляемого на ее основе словаря. Словарь русского языка XI–XVII вв., отметивший в 1995 г. свое двадцатилетие выходом в свет двадцатого и двадцать первого томов, начинался в 1963 г. как Малый древнерусский словарь (далее – МДРС) под руководством С.Г. Бархударова. Он составлялся на базе картотеки ДРС и "Материалов для словаря древнерусского языка" И.И. Срезневского.

В рамках МДРС был подготовлен значительный алфавитный отрезок, размеры которого позволяли приступить к изданию словаря. К этому времени стало очевидным, что под понятие "малого" создаваемый словарь не подходит: фактически составители стремились максимально полно отразить данные картотеки. С другой стороны, восполнение хронологических пробелов и пробелов в словнике МДРС за счет "Материалов" Срезневского не давало адекватной картины развития лексического состава из-за фрагментарности и как бы чужеродности данных, почерпнутых у Срезневского. Среди иллюстративных примеров наблюдался отчетливый перевес позднего материала.

При подготовке к изданию первого тома, вышедшего в 1975 г., словарь получил свое современное название и началась работа пополнения словника и обновления цитатного материала по недавно изданным Изборнику 1076 года, Синайскому патерику, Успенскому и Выголексинскому сборникам, Грамоткам, Вестям-Курантам (первый выпуск вышел в 1972 г.). Со временем этот список пополнялся вновь выходящими изданиями Сектора лингвистического источниковедения и исследования памятников языка ИРЯ АН СССР, вводились в круг наблюдений ранее опубликованные тексты со словоуказателями (Остромирово евангелие, Чудовская псалтырь), обязательным стал тщательный просмотр славяно-греческого словаря к Хронике Георгия Амартола (с неизбежным обращением к греческо-славянской его части – именно в ней указывается точный адрес искомых слов). Огромным приобретением для составителей стали снабженные словоуказателями и параллельными греческими текстами издания Шестоднева Иоанна Экзарха, его же Богословия, в недавнее время – Ефрема Сирина. Усилиями византологов Отдела исторической лексикологии и лексикографии ИРЯ РАН создавалась и пополнялась библиотека греческих оригиналов используемых источников (в фото- и ксерокопиях)². Все это неизмеримо увеличило возможности совершенствования словаря.

При обращении к данным, приведенным в "Материалах" Срезневского, стала господствовать тенденция проверить эти данные, осмыслить их в широком контексте, подвести греческую параллель (если она отсутствовала), уточнить указанием на лист рукописи или страницу издания, а когда возможно – процитировать по изданию, отраженному в Указателе источников СлРЯ XI–XVII вв. Эта работа вела, в свою очередь, к пополнению Указателя источников новыми наименованиями.

Среди источников "Материалов" Срезневского немалую часть составляют церковнославянские конфессиональные тексты (евангелие, Книги пророков, списки Пятикнижия, Златоустуи, Служебники, служебные минеи и т.п.). Правомерность использования таких текстов в словаре древнерусского языка в свое время была обоснована И.И. Срезневым (см.: [Труды 1871: СXXXV]); из недавних высказываний по этому вопросу сошлемся на формулировку В.Б. Крысько, данную в рецензии на 18 выпуск СлРЯ XI–XVII вв.: «Церковнославянская языковая стихия... вливалась в тексты, неотторжимые от собственно древнерусского языка – например, летописи – и образовывала столь сложную амальгаму с языковыми особенностями восточнославянского происхождения... что попытки расчлнить "русское" и "русско-церковнославянское" для большинства источников словаря едва ли могут быть признаны перспективными» [Крысько 1994: 243].

Углубление знакомства с текстами, выборочно расписанными для картотеки ДРС, и

² Основы этой библиотеки были заложены М.И. Чернышевой, пришедшей в Отдел в 1977 г. (ныне – ученый секретарь редколлегии Словаря).

с источниками Срезневского, происходившее при обращении к ним по частным поводам, способствовало накоплению своего рода личной авторской картотеки выписок, заметок и отсылок, фиксирующих вновь найденные слова и значения; эта картотека при подготовке 11-го и 21-го выпусков использовалась наряду с словоуказателями филологически точных изданий.

Работа со словоуказателями позволяет ознакомиться с множеством случаев употребления каждого слова в разных контекстах и в соотнесенности с разными словами греческих оригиналов.

В процессе подготовки Словаря нам пришлось составить словарные статьи **бранье** – **бьяшенина**, **доитися** – **дяфинъ**, **З** – **завръчивати**, **Л** – **лисяникъ**, **наметъ** – **нятье**, **образецъ** – **обратный**, **однако** – **околъ**, **П** – **падение**, **посѣдѣние** – **посидѣти**, **посилье** – **посильице**, **прошений** – **рященко**, **С** – **сбытный**, вошедшие в различные выпуски СлРЯ XI–XVII вв., и участвовать в первичном редактировании значительных по объему алфавитных отрезков, составленных другими авторами.

Том 11 был подготовлен в первоначальном варианте в 1969–1971 гг. в рамках МДРС (как вторая половина буквы Н). При подготовке текста к изданию в 1982–1983 гг. автором было привлечено значительное количество дополнительных источников, использованных с различной степенью полноты. С целью выявления ранних случаев употребления слов охваченного в выпуске алфавитного отрезка, а также для пополнения словника этой части словаря были специально обследованы такие памятники, как Изборник Святослава 1073 г. и Богословие Иоанна Экзарха (Ио. экз. Бог. и ВМЧ, Дек. 1–5, ст. 141–293), полностью просматривались печатные указатели к Синайскому патерику, Чудовской псалтыри (впервые применительно к целому тому), Выголексинскому и Успенскому сборникам, к вышедшим к тому времени лингвистическим изданиям старорусских текстов, а также хранящиеся в Институте русского языка рукописные указатели к Ефремовской кормчей (к ее первому выпуску) и Печерскому патерику. По мере возможности непосредственно из текстов извлекались случаи приставочных образований с *не-*, которые не были идентифицированы издателями и не вошли в словоуказатели на букву Н³.

Результатом указанной работы было заметное увеличение объема тома: сорок восемь авторских листов вместо запланированных и обычных для СлРЯ XI–XVII вв. тридцати пяти. Алфавитный отрезок, вошедший в 21 том, также был подготовлен автором ранее, в 1977–1979 гг. (за исключением отрезка **пята** – **пятичати**, который был составлен в ходе подготовки к изданию тома). Сравнительно с прежним размер текста на отрезке **прошений** – **раскидати** вырос в 1,5 раза – за счет источников, вошедших в обиход словаря за последующие годы, и за счет личной картотеки автора, о которой говорилось выше.

Следует отметить, что работа по расширению круга наблюдений, поиски новых путей и решений в описании материала на всем протяжении работы над 11 и 21 томами неизменно встречали поддержку со стороны главного редактора словаря Г.А. Богатовой – условие, без которого нормальное научное творчество в столь регламентированной области, как лексикография, было бы невозможно.

2. ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ СЛОВА

Работа по формированию словника 11 тома постоянно ставила исследователя перед вопросом о границах слова, перед необходимостью различать случаи, в которых *не* является частицей, и случаи с приставкой *не-*. Обращение к логическим критериям не давало результата – по утверждению Леви-Стросса, с которым нельзя не согласиться,

³ Для ряда переводных текстов Успенского сборника такая работа была проведена с опорой на их греческие оригиналы византологом А.А. Пичхадзе, которой я приношу свою сердечную благодарность за постоянную помощь в работе с греческими и латинскими параллелями 11 тома. Пользуюсь случаем выразить свою благодарность также К.А. Максимовичу, консультанту-византологу 21 тома.

язык est un système prélogique. Наиболее надежным критерием было наличие или отсутствие противопоставления (как и в современном языке). Но в большинстве случаев, когда противопоставление отсутствовало, приходилось опираться на греческое соответствие (обычно – слово с отрицательной приставкой *ἀ-*), в случае оригинального текста – на лексическое окружение и синтаксическую позицию, а в позиции неразличения – на аналогию близких по значению слов, встретившихся в позиции наибольшего различия. Позиция наибольшего различия для прилагательных и существительных – а в старорусском языке было немало существительных с приставкой *не-* – это позиция в сочетании с притяжательным местоимением или вообще согласуемым определением (*каково ... придеть твое неверемя*), после предлога (*бойцу с небойцом не битися; на неустроение и на нетишину*), в косвенном падеже (*выму невѣнчалную жену, неслугами сдѣлатъ*), в именительном падеже после глагольного сказуемого (*приходит неверемя*). Позиция неразличения – именительный падеж в составе сказуемого. В некоторых случаях такого рода могут быть полезны сопоставления системного характера. В предложении "А коли ему на бои нечасть ѣхати, пес же тот воет ... и коня его за узду грызет" слово *нечасть* в значении 'неблагоприятное время' входит в синонимический ряд с существительными *невремя, неверемя, непора* (в отличие от современного предикатива *не время* что-л. делать). В предложении же "невѣжда есмь и неукъ, паче же о тончайшихъ догматѣхъ невѣдокъ" (Г. Фирсов, 107) интерпретация предиката как существительного с отрицательной приставкой остается неподтвержденной, хотя в предложении ему предшествуют два таких образования, а теоретически возможно представить себе фразу типа "с невѣдоками не мудрствую".

В качестве глаголов с отрицательной приставкой в I том были включены только те, которые 1) употребляются преимущественно или исключительно в отрицательной форме: *ненавидѣти, незалюбити, невзберечи*; 2) имеют в этой форме особое значение, несводимое к отрицанию "положительной" формы (*небреци*); 3) соответствуют греческим глаголам с отрицательной приставкой *ἀ-* и употребляются после отрицательной частицы *не*, которая соответствует обычно греческим *οὐκ* и *μή* (*невѣдѣти* 'не знать, быть в неведении', ср. *не невѣдѣти* – *μή ἀγνοεῖν*, *невѣровати* 'сомневаться, не верить', ср. *не невѣрую* – *οὐκ ἀμφιβάλλω*). Глагол *невзберечи* рассматривается нами как параллельное образование к *вознебреци* со свободной перестановкой отрицательной приставки – явление, которое очень ярко выражено в предложно-падежных конструкциях существительных и прилагательных, а также в наречиях, образованных на базе таких конструкций (*неотвелика и отневелика, по небольшому и не по большому* и т.д.).

Факты постановки предлога после отрицания при существительных и прилагательных были описаны Ф. Миклошичем для старославянского языка (см.: [Miklosich 1869: 6, 7]); в соответствующем перечне им был приведен и материал из русских источников: *не на добро бывають* из Летописца Переяславля Суздальского; *лугач (филин) не к добру кричит* из Даля. С. Урбанчик описал аналогичные факты старопольского языка (см.: [Urbańczyk 1968: 285–287]), сопоставив с ними данные старочешского словаря Я. Гебауэра, который определил это явление как "тмесис, в новочешском языке необычный" [Gebauer 1970: 522]). Как свидетельствуют названные имена и даты, специфические особенности отрицательной приставки в славянских языках выявлялись и описывались лексикографами по итогам (или в процессе создания) крупных словарей (напомним, что *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum* Ф. Миклошича печатался в 1862–1865 гг., а выпуски Старопольского словаря на *nie-* выходили в 1966–1967 гг.).

Для говоров русского языка подвижность отрицания *не-* отмечал Г.И. Куликовский (см.: [Куликовский 1898: 63, 64]); "передвижение" отрицания *не* в народном и литературном языке нового времени рассмотрено В.И. Чернышевым (см. [Чернышев 1927: 10–12]), хотя сам автор считал более точной формулировку "употребление сходных по

смыслу отрицательных оборотов, в которых отрицание находится в разных местах". Аналогии старорусским фактам в материалах В.И. Чернышева представлены почти исключительно диалектными и фольклорными примерами (*не в доростках был*, т.е. в недоростках 'подростком', *внедалеке, не в милое солдацко это платице, не с большим 21 год*); единственным примером, в точности воспроизводящим народное словоупотребление, у автора, вполне принадлежащего сфере литературного языка, кн. Вяземского, является оборот *которому было не с большим двадцать лет*.

В Словаре русских народных говоров [СРНГ 1985: 310]) факты, относящиеся к данному явлению, отражены в словарной статье **НЕ**, *отрицательная частица*. Примеры в основном воспроизводят старые записи, но один случай: *не за послушание 'за непослушание'*, судя по географической помете, принадлежит недавнему времени.

В древне- и старорусских текстах подвижность приставки *не-*, точнее, ее слабая закрепленность в качестве словообразовательного элемента, проявляется в первую очередь в том, что в предложно-падежных конструкциях наряду с широко распространенными фактами препозиции предлогов встречаются – также отнюдь не единичные – случаи интерпозиции предлога, отделяющего приставку *не-*: грѣхъ... иже ꙗ не въ разумѣнии (τῇν ἐν ἀγνοίᾳ). Изб. Св. 1076 г., 164 об.; не въ окрадомѣмъ лежать богатствѣ (ἐν ἀσύλῳ... θησαυρῷ). Там же, 89 об.; не по испытанѣмъ его судомъ и по неислѣждению... путии его (κατὰ τὰ ἀνεξερεῖνῃτα αὐτοῦ κρίματα). Гр. Наз. XI в., 169 и т.п.⁴.

Отделяемость приставки *не-* в предложно-падежных конструкциях наблюдается в памятниках переводных и оригинальных, различных по содержанию, жанру и диалектной принадлежности. В хронологических рамках XI–XV вв. материал такого типа был выделен нами преимущественно из памятников книжно-славянского языка; с начала XVI в. появляются примеры из памятников делового языка: *черезъ дорогу прямо не на дѣлавой лѣсъ*. Арх. Стр. I, 137. 1509 г.; *сказываетъ ... не по дружбѣ*. Англ. д., 122. 1583 г. (при обычном "*по недружбѣ*"); *бьетъ челомъ не въ отдачѣ иконы*. АХУ II, 1085. 1682 г. (рядом: *била челомъ... въ неотдачѣ хлѣба*). Случаи дистантного расположения приставки в предложно-падежной конструкции отмечены для слов *небракъ, невѣдение, невходный, неглаголаный, недавный, недопаишка, недоувѣдѣние, незданный, неллицемѣрный, нелюбий, нелюбомудрие, неоранный, непахотный, непокаянный, неполный, нерасужение, нетлачный, нетомление, нетоплый, нетицета, неустойка* и др. Обычно наряду со случаями дистантного расположения *не-* в распоряжении лексикографа имеются случаи беспредложного употребления того же слова с приставкой *не-* или предложные конструкции с препозицией предлога (ср. приведенные выше данные о словах *недружба* и *неотдача*). При составлении словарных статей в качестве документирующего материала в первую очередь отбирались именно такие очевидные случаи. Однако случается, что какое-то слово встретилось в единственном контексте с дистантным *не-*: *Сѣть бо ся въ тѣлю, вѣстаетъ не въ тѣлю* (ἐν ἀφθαρσίᾳ). Ио. екз. Бог., 356. XII–XIII вв.; *не на дѣлавой лѣсъ* (см. выше); *съ судна имати съ полубленого и не съ полубленого... по алтыну*. ААЭ I, 296. 1563 г.; *не въ дорубѣ тѣ денги были*. АЮБ III, 121. 1667 г. Имеющиеся данные об отделяемости приставки *не-* в предложных конструкциях позволяют и здесь без огорок реконструировать исходную форму *нет(ь)ля, недѣловой, неполубленный, недорубѣ*. Для переводных текстов однозначность реконструкции может быть подтверждена греческими параллелями.

В непосредственной связи с названным явлением находится вариативность словообразования наречий, содержащих отрицательную морфему *не-*, возникших на базе

⁴ Автор полагает, что слабая закрепленность приставки может проявляться и в других типах слово-сочетаний, ср.: *идѣже бѣ непроходно плѣкомъ Александровымъ*. Ж. Ал. Нев., 22. XVI в. ~ XIII в. и *идеже не бѣ проходно полку Александрову*. Лавр. лет., 480.

субстантивированных прилагательных и существительных с приставкой *не-*: *по не-большому* и *не по большому*, *отневелика* и *неотвелика*, *понемногу* и *непомногу*, *поневелику* и *неповелику*, *без невелика* ‘без малого’ и *небезвелика* с тем же значением, *вневѣды* и *невѣды*, каждое с двумя значениями: 1) ‘по неосведомленности’ и 2) ‘неожиданно’, *заневѣды* с теми же значениями и *невзавѣды*, встретившееся в наших источниках один раз со значением ‘неожиданно’. Источник последних четырех наречий в диалектных словарях русского и белорусского языков нам найти не удалось: в польском толковом словаре [SJP 1904: 361, 362] слово *niewiedy*, *-ów* присутствует с указанием на его диалектный характер один раз в самостоятельной статье, с единственным примером фразеологического характера *pleść troje niewiedy* и без определения, вторично в статье *niewid* как второе заголовочное слово, с определением ‘rzecz niewidziana, niebywała, dziwo’ (здесь все примеры содержат форму *niewidy* в том же или сходном фразеологическом контексте). Следует отметить, что наречия *вневѣды*, *невѣды*, *заневѣды*, *невзавѣды* предполагают у исходного существительного значение ‘незнание’. Примеры на эти четыре наречия принадлежат по преимуществу текстам, отражающим в той или иной мере языковые черты территориальных групп, которые находились в сфере польско-восточнославянских и белорусско-русских контактов, в связи с чем они обычно имеют в корне написание *е* в соответствии с этимологическим ъ.

Наречие *невзавѣды* мы рассматриваем как контаминированную форму, возникшую на базе случайно не зафиксированного или исчезнувшего наречия *незавѣды* и реально существующего в текстах *невѣды*. Основанием для такого заключения являются распространенные в памятниках того же культурного круга формы наречий, имеющих в своем составе дважды повторенный предлог⁵ (ср. *внегдавнѣ* [СлРЯ XI–XVII вв., 2: 237] и *негдавнѣ* [СлРЯ XI–XVII вв., 11: 26, 27]), и прилагательные, включившие предлог в форму именительного падежа: из города Келна негдавные вѣсти (Куранты¹, 192). Нет сомнения, что в основе словообразования прилагательного *негдавный* лежат предложно-падежные конструкции прилагательного *недавный* с интерпозицией предлога в типа *не в давных днѣх* (Куранты¹, 118), *не в давных летех* (Переп. Гр. Курб., 67), которые испытывали воздействие параллельного употребления конструкций с препозицией предлога.

В текстах с книжно-славянским типом языка аналогичные рассмотренным выше словообразовательные отношения выступают в парах *вънезаапѣ* – *невѣзаапѣ*, *вънезаапѣ* (*вънезапѣ*) – *невзаапѣ* (*невѣзапѣ*), *внезаапу* – *невѣзаапу*. Из существительных, на базе которых создались эти наречия, засвидетельствовано *незаапѣ* в предложно-падежном сочетании *по незаапу*.

В глаголах можно наблюдать подвижность *не-* относительно второй приставки: полностью совпадают по значению *занемочи* и *незамочи* ‘заболеть’, *разнемочися* (*рознемочися*) и *нерозмочися* ‘разболеться’. Учитывая эту закономерность, мы реконструируем, в параллель к известному глаголу *вознебречи*, двухприставочный инфинитив *невзберечи* для летописного текста “и не възберегоша цѣловати хѧ” (Ипат. лет. под 1147 г.), в котором обычно усматривали частицу *не* и глагол *в(ѣ)зберечи* (Срз. I, 336; СлРЯ XI–XVII вв., 2, 142). Принятая нами интерпретация учитывает также семантику и словообразование глаголов *неберечи* и *небречи*, по отношению к которым *невзберечи* выступает как глагол совершенного вида.

Третий весьма важный для лексикографической практики результат подвижности *не-* состоит в том, что при наличии двух отрицательных однородных членов отри-

⁵ Повторение предлога перед *nie-* отмечал для старопольского языка С. Урбанчик: *w nie w rozdzielnym jęmieniu* [Urbańczyk 1968: 287]. Редкий для русского языка случай повторения предлога приведен в работе [Чернышев 1927: 11]: *всего лишь с не с большим 21 год* (из Рыбинск. у. Яросл. губ.).

цательная приставка второго, отделяясь, сливается с союзом *и*; второй член как бы распадается на два слова: незаконная... творять независтно ни въздержаньно. Лавр. лет., 16 (текст восходит к переводу Хрон. Г. Амарт.: и незаконне... творять низавистно ни въздержимо⁶ – τὸ παράνομον... ἀζηλωτον καὶ ἀκώλυτον); Инѣ образъ существу... недостижѣнь же ни довѣдѣнь (ἀλητὸς τε καὶ ἀγνωστος). Ио. екз. Бог., 65; Бѣ бо ненарочно кое дѣло, ни одържимо (ἀόριστόν τι πράγμα καὶ ἀπερίδρακτον). Усп. сб., 374 и др. под. В Словаре конструкции указанного типа представлены еще в словарных статьях **неотступимый**, **непремѣнимый**, **неуставный**, в статье **ни**³ (в примере *недовѣдомъ ни домыслимъ* – ἀκατάληπτον... καὶ ἀγνωστον). Во всех этих случаях в греческом оригинале находятся прилагательные (в некоторых, не приведенных здесь, примерах – наречия) с отрицательной приставкой *ἀ-*, соединенные союзом *καὶ*. Отмеченное на материале предположно-падежных конструкций свойство приставки *не* отделяться, а также ясная конструкция греческих параллелей позволяют с определенностью заключить, что в сочетаниях подобного типа выступает синтаксически обусловленный позиционный вариант прилагательных и наречий с приставкой *не-*, отделенной союзом *и* от "положительной" основы и слившейся с этим *и*. Из приведенных здесь текстов, таким образом, должны быть извлечены исходные прилагательные и наречия *невоздержанно* (в заголовочной орфографии, принятой в СлРЯ XI–XVII вв.), *недовѣдный*, *неодержимый*. В связи с рассмотренными случаями следует отметить, что и частица *не* в предложении могла предшествовать союзу *и* (по крайней мере, в языке архаического, книжно-славянского типа): *тоже не и самъ приде изгнати мя, нъ женѣ въда область изгнати мя* (каὶ οὐτε). (Сл. Евсевия Алекс.) Усп. сб., 363 (в позднем русском списке данного апокрифа – XVI–XVII вв., опубликованном в Сб. ОРЯС т. 52 № 4, древний порядок частицы и союза заменен новым, существующим и в современном языке: *тоже и не самъ приде изгнати нас, но женѣ дас<ть> власть изгнати мя*); *да не и прочимъ ... своеа красы подадутъ*. Ник. лет. X, 44. Результатом стяжения сочетания *не и ли* 'а разве не', засвидетельствованного в Ио. екз. Бог., 327, по-видимому, является воспросительная частица *ни.ли* 'разве не'. Изложенные факты позволяют с большой вероятностью допустить, что *ни* в качестве перечислительного союза в отрицательных предложениях и в качестве усиительно-отрицательной частицы явилось результатом слияния отрицательной частицы *не* с последующим *и*. Именно такой "гибридный" характер частицы-союза делает столь затруднительной грамматическую квалификацию *ни* в словарной статье (распределение материала по рубрикам "союз" и "частица").

В заключение этой темы подчеркнем, что в древнерусских и старорусских текстах речь идет не о "сходных по смыслу оборотах, в которых отрицание находится в разных местах" [Чернышев 1927: 10], а о действительной подвижности отрицательной приставки, о ее отделяемости, не влияющей на лексическое значение слова. Объективным свидетельством семантического тождества слов и конструкций с различным положением приставки *не-* являются примеры их взаимозаменяемости в разных списках одного памятника: *на неоранѣ земли – не на оранне земли* в разных списках Печерского патерика, *въ незаянѣ приставъици* – Сл. на Вознесение Ио. екз. по Усп. сб. – *незаянѣ приставици* – тот же текст по сп. 1535 г.

3. СЛОЖНЫЕ СЛОВА И СЛОВСОЧЕТАНИЯ

В процессе составления словаря исследователь многократно сталкивается с проблемой разграничения сложного слова и словосочетания. Трудность в этом отношении составляют образования, имеющие в первой части наречие или падежную форму существительного: *горѣнесемо ихъ* (греч. τὸ ἀνωφέρēs αὐτῶν) Ио. екз. Бог.¹, II, 6,

⁶ Следует отметить, что В.М. Истрин без оговорок реконструировал для данного случая прилагательное *невъздержимъ* (см.: [Истрин 1930: 265]).

XII–XIII вв.; *злѣобразъствуеѣ* (греч. ἀσχημονεῖ) Патерик Син., 217, XI в.; (*бремена*) *неудобѣ носима* (греч. δυσβάστακτα) Остр. ев., 79 об., 1057 г.; *крѣста образно* (греч. σταυροτύπως) Ио. екз. Бог.¹, III, 8, XII–XIII вв. (при наличии более древнего, по замечанию Л. Садник, см. [Sadnik 1983: 8], варианта *крѣстообразно* в рукописи XIV в.)⁷; *путьшествовати* (примеры см. в т. 21 СлРЯ XI–XVII вв.); *землимѣритель* (греч. γεομετρής) (Дамаскин. Диал.) ВМЧ, Дек. 1–5, 328, XVI в. ~ XV вв.; *лжусвидѣтельный* Врем. И. Тим., 297 и др. под.

Образования такого типа в литературе нередко рассматриваются как "несобственные" сложные слова, как "соположения" (Juxtapositionsformen, juxtaposés). Степень сращенности членов в обеих категориях "несобственных" komposita зависит, по Вайану, от частоты употребления [Vaillant 1974: 753]; формальной предпосылкой превращения их в настоящие сложные слова признается объединение обоих членов главным ударением (см.: [Dickenmann 1934: 64]); Г. Пауль ставит во главу угла привычность данного образования и ощущение единства и целостности выражаемого им понятия (см.: [Пауль 1960: 400]). При этом как в живых языках, так и памятниках письменности те или иные сложные единицы нередко бывают представлены в переходном состоянии. Отсюда трудность их грамматической квалификации в словаре.

В 11 том вошла значительная группа словарных статей с первым членом *неудобѣ*. Основанием для этого явилось однотипное строение соответствующих образований: во второй их части в большинстве случаев выступают отглагольные прилагательные с суффиксами *-им-*, *-ем-*, *-ѣн-*, которые с приставкой *не-* образуют прилагательные со значением невозможности действия: *неудобѣвосклонный*, *неудобѣвосходимый*, *неудобѣлѣчебный*, *неудобѣносимый*, *неудобѣплѣнимый*, *неудобѣпостижный*, *неудобѣсказаемый*, *неудобѣтерпимый* и др. под. Среди примеров, возможно, присутствуют (в небольшом числе) и несращенные сочетания (например, *и великое дубие, неудобѣ носимо за долготѣ*. Патерик Печ., 117), однако к таким случаям мы не относим факты тмеси: *И аще же неудобѣ всѣмъ бѣ носимъ Никонъ, то не у извержения достоинъ*. Д. патр. Никона, 86. 1660 г.

Расчленение сложного слова, своего рода игра словом, вообще используется как выразительный прием риторического стиля: *потѣцѣя долгѣ путь гнати и многѣ шествовати*. Ж. Стеф. Перм. Епиф., 82. XV–XVI вв. ~ XV в. В том же житийном тексте встретился случай возвращения сложного глагола *путьшествовати* к состоянию свободного сочетания: *И кто может толь далеке путь надолгѣ часто шествовати о еѣскплѣхъ вещей... и о цѣрковныхъ управленияхъ*. ВМЧ, Апр. 22–30, 1051. XVI в. ~ XV в.⁸

Включение служебных слов (частиц и союзов) в словообразовательных швах сложных слов – явление нередкое, характеризующее как сращения (т.е. наречные и Kasuskomposita), так и собственно сложные слова (с соединительным гласным): *Пятеро же образное еѣст се* (греч. πεντάτροπος δέ) Изб. Св. 1073 г., 223; *сѣрдце бо видеѣтъ сын* ВМЧ, Апр. 1–8, 172, XVI в.; *не же ся домышляше* (греч. διπρόρε) ВМЧ, Ноябрь 13–15, 1023, XVI в. ~ XIV в. (Ж. Ио. Злат.); *да литургисаетъ... и священно да дѣйствуетъ* Арх. Стр. I, 315–316, 1551 г.; *священно- и мнихоругатель Гришка Розстрига* Врем. И. Тим., 382, XVII в.; *внутрь же юду* Сказ. Авр. Палицына¹, 168, 1620 г.; *пока де мѣстѣ* АХУ I, 944, 1688 г. и др. под.

⁷ Ср. также *крѣстообразно распростирая длани свои* (греч. σταυροειδῶς) Мин. Пут., 100, XI в. и *крѣста образно распростирая длани свои* в соответствующем месте майской минеи XII в. по рукописи ГИМ Син. 166 (пример был сообщен автору М.Ф. Мuryановым).

⁸ Существование цельнооформленного слова *путьшествовати* уже в XII–XIII вв. доказывается, на наш взгляд, приставочным образованием *спутьшествовати*: *Гѣ славы спутьшествоу ти*. Никон. Панд., 144. 1296 г. Страдательное причастие *путьшествуемый* (см. [СлРЯ XI–XVII вв., 21: 61, 62]) говорит о том же (если допустить, что данный лексический элемент восходит к оригиналу XII–XIII вв.).

В общую картину хорошо вписываются многочисленные факты тмеси́са в образованиях с *полу-* (см.: [Востокова 1984: 66,67]). Интересен нестандартный случай из этой области, когда между двумя членами сращения включено прилагательное – определение ко второму члену: *по полу медвеной чаркѣ* АИ III, 405 (в том же документе, на с. 404 и 405, несколько раз *по полу чаркѣ медвеной*).

Включение уточняющего имени в словообразовательный шов полноценного сложения принадлежит к числу еще более редких событий: *онѣ бо [кивот] законоприаѣтъ, сей же Бого- Мариа приаѣтъ* ВМЧ, Сент. 1–13, 433 (Слово на благовещение Иоакима и Анны Иоанна Эвбейского⁹), XVI в.¹⁰.

В 11 томе довольно значительную по численности группу (около 50) составляют образования с первым членом *низъ* (*низ-*, *нис-*). Это глаголы (иногда с производными от них существительными), в большинстве своем имеющие прототипом греческие слова с приставкой *ката-*. Формирование этих сложных слов, рано получивших статус приставочных образований (ср. антонимические пары *въсходящя и низъходящя* Остр. ев., 7, 1057 г.; *имиже дѣла възводится или низъводится* О молитве С.Н.Б., 401, XV в.), происходило в условиях, когда в основном сохранялась индоевропейская модель предложения ОV, см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 324, 325], и позиция перед глаголом была позицией неразличения для зависимого от глагола существительного, омонимичного ему наречия и образующейся на основе последнего глагольной приставки. Несомненное наречие *низъ* мы сочли возможным выделить только в поствербальной позиции (см. словарную статью *низъ*²). Сохранение и развитие (фонетическое и семантическое) образований этой группы на протяжении семи столетий позволяют рассматривать их как цельнооформленные лексические единицы.

В 21 том вошло слово *путь* и его производные. Большой интерес представлял для нас ход развития сложных слов с первой основой *пут-*, *пут'-* (*путешествовати*; *путешествие* с древними вариантами *путошьствие*, *путьшествие*; *путедѣлецъ* и *путьдѣлецъ* и т.п.). Наличие формы вин. падежа *путь* в первой части слова *путешествие* убедительно объяснено А. Вайаном как результат глагольного управления отглагольного существительного (см.: [Vaillant 1974: 750]). Аналогичным образом были оформлены первоначально и сложения *путьдѣльци*, *путьстроици*. В поисках древних вариантов пришлось обращаться к рукописям. Очень интересной в этом отношении оказалась рукопись Истории иудейской войны Иосифа Флавия МДА № 12 XV века (условное сокращение в Словаре – Флавий. Полон. Иерус.³). Здесь буква *т* в подобных образованиях не выносится в надстрочное положение, как в опубликованном В.М. Истриным Волоколамском списке, а присутствует в строке вместе с последующим *ь*: *путьстроиници* (л. 530 об.), *путьдѣлци* (л. 493). В Архивском списке (в нашем обозначении – Флавий. Полон. Иерус.¹) – *путьдѣлци*, в Виленском списке (Флавий. Полон. Иерус.²) – *путедѣлници*, причем слог *ни* вписан над строкой. В соответствующих словарных статьях мы старались показать динамику развития подобных словосложений.

Что касается сложных образований с формой *пути-*, например, *къ соборному путишествию* Львов. лет. I, 241 (под 1438 г.), *о путишественницѣ*¹¹ Басни Эзопа

⁹ Атрибуция данного произведения Иоанну Эвбейскому принадлежит Е.И. Серебряковой (зав. рукописного отдела ГИМ). Ею же проверены по двум рукописям Великих миней (Успенской и Царской) написания данного места; они оказались полностью идентичными и верно переданы в издании.

¹⁰ В современном языке тмеси́с встречается нередко в сложных словах с числительным в первой части: *трех- и пятиэтажные дома*; *двух- и более основной* (о сложном слове) и т.п. Включение частицы в центр сложного слова с соединительным гласным наблюдается значительно реже, ср. *капитало- же вложения...* (из выступления кандидата на должность министра в Верховном совете СССР, июль 1989 г.): *Рыночно же общинный социализм создает фикцию человеческой самостоятельности*. Новый мир. 1997. № 3. С. 165.

¹¹ К сожалению, последний случай не нашел отражения в 21 томе СлРЯ XI–XVII вв., так как попал в поле зрения автора уже после выхода книги в свет.

(рукопись РГБ, Тихонр. № 229), л. 264, XVII в., то они входят в особый класс событий, который требует описания.

Помимо сращений, включавших изначально падежную форму существительного в первой части (*как путьшествие, братучадъ* и т.п.), в древне- и старорусских текстах встречается немало образований вторичного порядка, которые возникли как результат распада книжного сложного слова под пером переписчиков. Нам представляется в высшей степени вероятным, что процесс переразложения сложных слов, чуждых живому народному языку по внутренней структуре, отмеченный в современной диалектной речи (см.: [Мокиенко 1975: 214, 215]), мог иметь место на всем протяжении истории русского языка. Можно указать немало примеров *Kasuskomposita* (или менее тесных лексических объединений – степень связанности не поддается определению), имеющих в памятниках параллельные (и более распространенные) образования с соединительным гласным (большая древность последних в ряде случаев просматривается по текстам¹²). Ср. *богуотьць...* Давыдъ Купр., 38, XIII в. и *богоотьць* (примеры см. в СДР XI–XIV, 1: 264); *злупоминание* Кир. Тур. (К.), 90, XIII в. ~ XII в. и *зълупоминание* СДР XI–XIV, 2: 420 (обширная статья; в числе примеров и текст из Кирилла Туровского по другому списку, где читается *злупоминание*); *свѣтуобразны быша* Мин. сент. 0147, спп. XII и XII–XIII вв. и *свѣтообразныи* Срз. III, 294 (примеры XI–XIII вв.); *богу мерзкие дѣла творятъ* АИ, I, 167, XVI в. и *богомързъкыи* СДР XI–XIV 1: 261–262 (примеры – с 1280 г.); *побѣдъносьць* Гр. Наз., 213, XI в. и *побѣдоносець*, *побѣдоносьць* СлРЯ XI–XVII вв.; *свѣтадатие* Панд. Ант.¹, XI в. и *свѣтодатие* Мин. ноябрь, 376, 1097 г.; *кровипролитие* Псков. II лет., 272 (в рукописи написано слитно на общем фоне раздельных написаний слов: *и многие битвы быша и кровипролитие и хрстіяномъ грабленіе и пригородам и всякие великие шкѣты псковичам*); ниже по тексту *кровипролитие*: *Того же году много смуты было и кровопролитие по правдѣ и по неправдѣ*.

В приведенных примерах форма первого члена сложного образования определяется его смысловой и грамматической зависимостью от второго члена. Иная картина наблюдается в следующей группе случаев, где первый член дублирует форму второго, т.е. когда его грамматическое оформление зависит от положения целого в синтаксической цепи.

Случаи параллельного словоизменения обеих частей сложного образования наблюдаются в позиции род. падежа (и род. = вин.): *сътвори убо Бгъ члѣка... права, добра-волна* (греч. ἐνδρετον) ВМЧ, Дек. 1–5, 198, XVI в.; в более раннем списке того же текста – *добровольна* (см. Ио. екз. Бог.¹, II, 84); *не языка ищеть добраглаголива Бѣ. ни словесъ сложенія* ПНЧ 1296, 109–109 об. (СДР XI–XIV, 2: 483); *ревнителя Господня и милостива и ницалюбца Стихирарь*, 38, XII в. (СлРЯ XI–XVII вв., 11: 388) при наличии форм именительного падежа *нищелюбець* (см. там же, 389); *краюголнаго камени* (СДР XI–XIV, 4: 199) при *камень краюгольный. краюгольный* в им. и вин. пад. (СлРЯ XI–XVII вв., 8: 7, 8); *не хотя видѣти крове пролитья* Лавр. лет., 401; *негли себелюбца сътвори* (греч. φίλαυτον) Хрон. Г. Амарт., 31, ср. *самолюбца* (греч. φίλαυτοι) Пч., 395; *не сребралюбива* Никон. Панд.¹, 55 об., XIV в.; *сына убо (имущи)... могуца державѣ скифетраправления* Врем. И. Тим., 368, XVII в.;

в позиции вин. падежа: *приимъшемъ смъртносьну язву* Псалт. Чуд.¹, 155, XI в. (ср. там же, 28: *смъртносьну на ны казнь наносишемъ*); *немѣствъ есть на кровъпролитъе* Лавр. лет., 155 (Ипат. лет., 143: *на кровопролитъе* в том же эпизоде), ср. примеры на *кръвопролитие* в СДР XI–XIV, 4: 308;

в позиции дат. падежа: *не радуется крови пролитью* Лавр. лет., 306 (под 1138 г.); то же – Ипат. лет., 301; *кровопролитью* – в двух списках XV в. (см. подстрочные

¹² Ср. сказанное выше о соотношении *кръстообразно* и *креста образно*.

варианты в Лавр. лет., 306); *къ соборному путишествию* Львов. лет., I. 241 (под 1438 г.);

в позиции местного падежа: *о путишественницѣ* Басни Эзопа, 264, XVII в. (рукопись последней четверти XVII в., перевод – 1608 г.): *въ... путишествиѣ ут-ружѣишмѣся* Врем. И. Тим., 275, XVII в.

Механическое дублирование в первом члене грамматической формы целого пред-ставлено в вин. мн. *новыгородки* (см. СлРЯ XI–XVII вв., 11: 394, словарная статья **новгородка**). Форма *мужаубиства*, передающая греч. ἀνδροκτασίας (Изб. Св. 1073 г., 115 об.), могла бы иметь грамматическое объяснение, однако без сличения разных списков памятника делать какие-либо выводы преждевременно.

Не принадлежит к Kasuskomposita часто встречающиеся формы от наименования *Златаустѣ(и)*, как и прилагательные *дѣвъѣстьствѣньныи* (см.: [Вялкина 1964: 100]), *шестькрилатѣ* и т.п., которые образованы присоединением адъективного суффикса к словосочетаниям (ср. *злата уста*, *дѣвъѣ ѣстьствѣ*, *шесть крилѣ*).

Деструкция сложных слов с соединительным гласным происходила, как видно из примеров, под пером отдельных переписчиков и не определяла общей картины их функционирования в литературном языке. Вместе с тем подобные случаи многое гово-рят о жизни языка в целом, и отражать их в словаре весьма желательно. На алфавит-ном месте должна находиться отсылка от "нестандартной" формы к общераспростра-ненной, ср. отсылку "**злупомнание** см. **злопоминание**" в 6 томе СлРЯ XI–XVII вв. В статье же **злопоминание** такая форма – в идеальном случае, когда имеются разночте-ния по ряду списков – могла бы быть помещена в качестве варианта после цитаты с нормальным видом заголовочного слова, например, форма *злупоминание* с указанием ее источника после выходных данных К. Тур. XII сп. XIV (см. [СДР XI–XIV, III: 420]).

Ввиду изложенного, словоформа *(о) путишественницѣ* должна находиться в статье **путышественникѣ** или **путешественникѣ** (последнее для конца XVII в. более вероятно), а на алфавитном месте *путишеств-* – отсылка "см. **путешеств-**, **путышеств-**" (в соот-ветствии с выбранным оформлением заголовочного слова словарной статьи).

4. ПРОБЛЕМА РАЗВИВАЮЩИХСЯ КАТЕГОРИЙ

Сложными для лексикографической обработки оказались слова, которые на протяжении рассматриваемого периода формировали и пополняли категорию пре-дикативов; некоторые из них превращались в слова из словосочетаний (напр. *нѣльзѣ*, *нѣколи*² и т.п.). В словарных статьях *нѣ*-², *нѣсмь*, *нелзѣ* (с поздней орфографией первого заголовочного слова) сделаны попытки показать ход этих процессов.

В 11 томе принята и применена к обширной категории слов помета "в сост. сказ." (вместо прежней "в знач. сказ."). Она заменяет указание на часть речи при предика-тивных формах на -о, а также при словах иного образования, которые употребляются исключительно в составе сказуемого (типа *нѣгдѣ*², *нимака*, *нивскууже*). В случае если имеется омонимическое наречие, словарная статья делится на две рубрики:

НЕВѢРНО. I. *Нареч.* Так, как свойственно "неверным", т.е. людям, не знающим истинной веры. Нецыи суть живущи с погаными поганю, а со христианы христиан-ски, а с неверными неверно. Алф.¹, 143 об. XVII в.

II. *В сост. сказ.* О наличии сомнений, спора в отношении чего-л. О младенцихъ подобающихъ крестити, елишьды невѣрно есть о нихъ, аще крещени суть (ἀμφιβάλλεται). Ефр. корм., 374. XII в. Послуси имѣюще ли санъ во(и)ньству, ли начинание, ли куплю, по приятью приятни суть. Ли обрящутьс(я) послуси незнаеми, и невѣрно будетъ о послушьствѣ их, да правяте судья и муками. Мерило пр., 375. XIV в. Аще ли ти невѣрно мнитца о таковыхъ бабах, то како в дом твои притти мужику незнаму? А бабѣ всегда ей время с ними [служанками]... говорити. Дм., 74. XVI в.

Несколько слов данной категории помещены в статьях, имеющих помету "нареч.". только как употребление, с указанием их особой функции: *неблаженно, немятежно, неровно* (в связи с тем, что их определение совпадало с определением одного из значений наречия, а предикативное употребление было единичным)¹³. Помета "в сост. сказ." давалась также внутри статей на некоторые существительные, которые выступают в части своих значений в функции безлично-предикативных слов (*неволя*, знач. 2 и 5, *нужа*, знач. 4 и 14, *нужда*, знач. 8, *недоволь*, знач. 2, *недосугъ*, знач. 2).

Помета "в знач. сказ." дана при словах *нѣтъ, нѣту, нѣтуть*, которые возможны только в настоящем времени и в изъявительном наклонении (т.е. не имеют аналитических форм времени и наклонения).

В 21 томе вопрос о способе подачи и грамматической характеристике предикативных форм на -о решался в принципе аналогично описанному выше, хотя и с некоторыми отличиями и, в силу самой подвижности материала, не всегда единообразно. Предикативные прилагательные подавались здесь как омонимы по отношению к наречию на -о и к существительному, если таковое имелось (например, *равно*¹, с., *равно*², нареч., *равно*³, предик. прил. ср. р.), что позволяло более четко показать (зрительно – с красной строки) значения таких предикативных слов. В статье *разумно*² грамматическую помету пришлось развернуть в грамматическое описание: *Разумно, прил. ср. р. В сост. сказ., соотносненного с придаточным предложением и употребленного безлично*. К такой развернутой характеристике вынуждало разнообразие условий функционирования слова. С другой стороны, в статье *рано*, ввиду трудности провести хронологический рубеж между винительным времени и развившимся из него наречием, а также между предикативом-существительным и предикативом-наречием, все употребления слова – субстантивные, наречные, в функции именной части сказуемого – были даны в одной словарной статье *рано, с. и нареч.* с единственным принципом членения – семантическим (употребления в составе сказуемого оговорены без вынесения их в отдельный блок)¹⁴.

11 том чрезвычайно насыщен прилагательными, которые составляют 46,39% его словника¹⁵ (в абсолютных цифрах – 2095 случаев при общей численности словарных статей 4516). Из этого количества большая часть – 1836 случаев, или 87,6% – приходится на алфавитный отрезок *не – неятье*, занимающий 79% объема тома. На этом отрезке бесприставочные прилагательные составляют ничтожную долю: это производные от заимствованных слов (*негольный* 'лиственный', *нельмежий, нерпичий, нерповый и нерпный*) и несколько прилагательных с -ѣ- в корне (*нѣмецкий, нѣмой и нѣтный*), во всех же прочих случаях в составе прилагательных присутствует приставка *не-*, иногда принадлежащая первой основе сложного слова, как в словах типа *нетлѣннолюбный, неудобопремѣнный* (δυσμετάβλητος), *неудобьподвижный* (δυσκίνητος), в большинстве же случаев самостоятельно участвующая в словообразовании прилагательного, и приставка *недо-*.

В этой массе прилагательных обращает на себя внимание значительный удельный вес отпричастных и отглагольных образований; некоторые (типа *небѣленный, невершенный*) вполне укладываются в рамки причастных значений; другие представляют

¹³ По недоразумению наречие *невѣдомо*, четко противопоставленное предикативу *невѣдомо*, оказалось в словарной статье с общей пометой "в сост. сказ." (под номером 2) и даже не получило своей грамматической пометы.

¹⁴ В 22 томе, который готовился к печати в 1995–1996 гг., впервые введена интерпретация некоторых форм на -о как форм прилагательного, имеющих как наречное, так и субстантивное употребление: *рѣденько*, прил. ср. р. 1. Как наречие... 2. В функции сущ. *О жидкой похлебке (т.е. вообще о несытной, скудной пище)*. Предикативные прилагательные на -о, в отличие от обычных согласуемых кратких прилагательных выступающие всегда в форме среднего рода (в односоставных и двусоставных предложениях), даются с пометой *предик. прил. несог.* (см. словарные статьи *родко, ровно*²).

¹⁵ В 21 томе – 19%.

собой передачу греческих глагольных прилагательных: *невозвязанный* (ἀδετος), *невопразенный* (ἀπεροζυτος), *невписанный* (ἀγραφος), *невселенный* (ἀνοικητος), *невсѣяный* (ἀσπορος), *недвижный* (ἀκίνητος), *невозримый* (ἀόρατος), *невоздремаемый* (ἀκοίμητος), *небранимый* (ἀνερπόδιτος) и т.п.: третьи передают значение невозможности действия: *неизглаголанный*, *неизглаголемый*. Прилагательные с этим значением нередко образуют синонимические группы (дублеты и триплеты) между собой и с прилагательными собственно адъективного образования: *недвигомый* – *недвижимый* – *недвижный*, *недѣлимый* – *недѣльный* (см. **недѣльный**⁴), *недовѣдомый* – *недовѣдимый* – *недовѣдный*, *недостижимый* – *недостигомый* – *недостижный*, *невмѣстимый* – *невмѣстный*, *невозборимый* – *невозборный*, *невозбранимый* – *невозбранный*, *невозвратимый* – *невозвратный*, *невредимый* – *неврежденный* – *невредный*, *негасимый* – *негасный* (род. п. *негаснуца*), *неиз(д)реченный* – *неиздрочный*, *незаходимый* – *незахожденный* – *незаходяй*, *неудержа(н)ный* – *неудержимый* – *неудержный* и т.п. При этом можно наблюдать безразличное к заголовым отношениям употребление причастных суффиксов, ср. *негибляющий* и *негиблемый*; *негашущий* и *негасимый*; *недремлющий* и *недремаемый*, *недреманный*; *неувядомый* и *неувядающий*; *невядомый* ‘неувядающий’; *невостающий* (сон); ср. *пьющий* ‘предназначенный для питья’ в 21 томе.

Как показывают материалы 11 тома, модель отрицательного отглагольного прилагательного с суффиксом страдательного причастия имела в древне- и старорусском книжном языке значительное распространение: *неглаголанный* ‘тайный, не подлежащий словесному выражению’ (ἀρρητος и ἀπόρρητος), *неиздреченный* ‘невыразимый, сокровенный’, *неислѣженный*, *неислѣженный* ‘не поддающийся исследованию, непостижимый’ (ἀνεξερεύνητος), *неисповѣданный* ‘непостижимый, сокровенный’ (ἀδιάγνωστος и ἀνεκδιγήτος), *неиспытанный* ‘непостижимый, недоступный для исследования’ (ἀνεξερεύνητος) и др. Многие из отглагольных прилагательных этого ряда имеют параллельные образования, осложненные суффиксом -*нь*-, *неиздреченьный* (уже в Изб. Св. 1073 г., где присутствует и *неиздреченыи*), *несъказанныи* (при *несъказаныи*), *неудѣръжаньныи* (Ефр. корм., Усп. сб.).

Вопрос о заголовочной форме лексем с отрицательной приставкой и суффиксом действительного причастия настоящего времени решался с той степенью единообразия, на которую давали право имеющиеся в нашем распоряжении материалы. Так, при наличии в наших текстах архаической формы им. пад. м. р. типа *неусыная(й)* эта форма выносилась в заголовок словарной статьи; при ее отсутствии давалась обычно форма на -*щий*, в особенности в тех случаях, когда в примерах в косвенных падежах выступали членные формы (формы именительного на -*щий* встречаются уже в источниках XI–XII вв.: *огнь негашущици*, *нецѣлѣющици недугъ* – Изб. Св. 1073 г., 89 об. и 172 об.; *неблудящий наставникъ* – Усп. сб., 168). В тех же словарных статьях, где помещение в заголовочной строке формы на -*щий* представлялось неоправданной модернизацией или шло вразрез с наречной функцией лексемы, в заголовке давалась реконструированная форма им. падежа ед. числа архаического типа; если правомерность реконструкции вызывала сомнение, такая форма заключалась в квадратные скобки: [**Непады**].

5. ЗАГоловочное слово. лексемы и варианты

В вопросе об основной форме слова в заголовочной строке мы руководствовались стремлением избежать создания рукотворных, искусственных форм. Вопрос о написании первого заголовочного слова для той или иной словарной статьи решался в каждом случае отдельно, с учетом зафиксированных в текстах XI–XVII вв. написаний (искажения реальной картины возможны, впрочем, за счет старых публикаций, в которых орфография памятников “подправлялась” в соответствии с действующими грамматическими правилами). Для облегчения поисков слова в словаре от всех его вариантов.

входящих в заголовочную строку¹⁶, давались отсылки к основному заголовочному слову статьи, в которой эти варианты представлены. Слова, которые имели в одном из начальных слогов редуцированный и в поздней модификации не зарегистрированы, даются на алфавитном месте, которое диктуется древним написанием (напр., *не-объемный* 'непостижимый').

Буква **Р**, состоящая в основном из приставочных образований, представляет специфические трудности для лексикографического описания. В особенности трудно отразить в пределах одной словарной статьи развитие слова во всем многообразии его вариантов на протяжении семи столетий, поскольку к концу рассматриваемого периода неизмеримо возрастает жанровое и стилистическое разнообразие текстов, становится весьма заметной формальная дивергенция русских и церковнославянских вариантов слов (при продолжающемся сосуществовании в пределах одной словоформы элементов того и другого типа), вырабатываются иные принципы орфографии, в результате чего слово, сохранившееся на протяжении всего рассматриваемого периода, воспринимается нередко только как продолжение своего древнего предшественника, а не как то же самое слово.

Стремясь дать наиболее полную картину развития слов и их стилистических вариантов, мы вынуждены были в подаче материала допустить ряд условностей, представляя в разных статьях то, что в принципе, возможно, принадлежит развитию одного слова. Так, в разных статьях даются варианты типа *раздрушати* и *разрушати*, находящиеся в отношениях дополнительного распределения на хронологической шкале (в XV–XVI вв. *раздрушати* иногда выступает с окраской подчеркнутой архаизации и славянизации), и варианты типа церковнославянского *раждати* и русифицированного *ражати* (в поздних текстах делового и бытового характера написания *ражала*, *ражает* будут соотноситься с восточнославянским *рожать*). Двойственность трактовки некоторых лексических единиц поддерживается их устойчивой связью с церковнославянской традицией.

Выполнение предписанного инструкцией разделения русских и церковнославянских дублетов в ряде случаев оказалось неразрешимой задачей. Так, глагол, известный ныне с инфинитивом *разжечь*, в отдельных словоформах, засвидетельствованных памятниками письменности с XI по XVII век, мог иметь самые разнообразные комбинации церковнославянских и восточнославянских фонетических признаков: *-о-* в приставке соединялось с *-жд-* на стыке приставки и корня (напр. *рождѣженьими* наряду с *раждѣженьими* и *рожьженьими*), приставка, написанная по церковнославянским образцам через *-а-* — с одиночным *-ж-*, возникшим в результате ассимиляционных процессов восточнославянского характера (аорист *ражьже*, *ражьжено*, *ражегль* бѣше); в поздний период, в XVI и XVII вв., появляются написания по морфологическому принципу, не отражающие результатов ассимиляции (напр., аорист *разжеже*). Взаимопроникновение восточнославянских и церковнославянских элементов в пределах словоформы не позволило выделить в отдельные статьи глаголы *раждеци*, *ражеци*, *разжечи* — все варианты инфинитива с соответствующими им формами первого лица были даны в одной заголовочной строке: **РАЖДЕШИ**, *раждегу* и *раждѣгу*, **РАЖЕШИ**, *ражьгу*, **РАЗЖЕЧИ**, *разожгу* (тж. **РО-**)¹⁷.

Глаголы, имевшие формы инфинитива, достаточно четко противопоставленные по фонетическому облику (напр., *разверещи* и *раз(роз)веречи*), в спрягаемых формах не поддавались однозначному распределению между этими инфинитивами; столь же трудно было определить принадлежность аористов типа *разверже*, которые могли быть

¹⁶ В 21 томе в заголовочной строке не давался исчерпывающий список вариантов, но все реально встретившиеся в цитатах варианты учитывались в отсылках.

¹⁷ Написание *раздещи* (как и *раздещися* в статье на возвратный глагол), также присутствующее в цепочке инфинитивов, должно было быть заключено в круглые скобки (как орфографический вариант). На эту погрешность (отсутствие скобок при указании варианта) обратил наше внимание В.Б. Крысько.

связаны с инфинитивом *раз(роз)вергнути*: эти сложные взаимоотношения реально функционирующих в текстах глагольных форм вынуждали к объединению столь разных инфинитивов.

Другим источником трудностей в определении основной заголовочной формы той или иной словарной статьи были исторические изменения, в результате которых облик слова менялся под влиянием аналогических факторов, фонетических процессов и фонологических сдвигов, изменений морфемного членения слов в сознании носителей языка, смены принципов орфографии на протяжении веков. Так, древнее *разяти* и относительно позднее (с XV в.) *разъяти* рассматриваются как разные слова.

В алфавитном отрезке на *рас-* слова с одиночным *с* на стыке приставки и корня, начинающегося этой фонемой (типа *расълина*, *расъдаться* и т.п.) будут рассматриваться на алфавитном месте *расс...* (в 22 томе), если есть параллельная (более поздняя) форма с двойным *с* (*рассълина*, *рассъдаться* и т.п.). На алфавитных местах древних форм в этом случае даны отсылки, иногда обобщенного характера: *расв-* см. *рассв-*, *расъвати* см. *рассъвати*, *расъд-* см. *рассъд-*. Если таких параллельных форм нет в нашем распоряжении, древние формы становились предметом рассмотрения в самостоятельной словарной статье: *расъкывати*, *расъти*, *расътие*.

Поскольку нет никаких данных считать глагол *рассказати* и существительное *рассказъ* (*росказъ*) изначально двухприставочными, они были рассмотрены в словарных статьях **рассказати** (**рос-**), **рассказъ** (**рос-**) с указанием поздних вариантов типа *разсказати*; в дальнейшем, в 22 томе, аналогичным образом в статьях **распрашивати**, **распросъ** нами помещены слова, которые в современном языке считаются двухприставочными и пишутся с двойным *с*. Написания в старорусских текстах и – что более показательно – словообразовательные ряды *просити* – *вспросити* – *запросити*, *допросити* позволяют с большой вероятностью видеть в написании *распросити* одноприставочный глагол.

Мы вынуждены были пойти на некоторые потери в информативной ценности материала, связанные с почти всеобщей подачей слов с приставкой *роз-* на алфавитном месте *раз-* (исключения делались только для слов, имеющих в современном языке ударение на приставке типа *розыск*, древнее же место ударения для целого ряда слов остается нам неизвестным). Избежать этой условности было практически невозможно – разрыв слова по признаку написания *а* или *о* в приставке, который мы видим в "Материалах" Срезневского, разрушает цельность его семантической структуры. К тому же в разных формах одного слова приставка может выступать в обоих вариантах: *расняти* (повсеместно), но *роснятъ* (Изб. Св. 1073 г., несколько раз) – различие, связанное, видимо, с древними акцентными отношениями (ср. место ударения в современном языке: общелитературное *рѣздан*, диалектное *рѣспичены* 'распущены' с полной редукцией корневого гласного, *рѣспят* у Маяковского). Наименее болезненным выходом представлялось указание на наличие вариантов с *роз-* в заголовочной строке. Иногда написаний с *раз-* вообще не было в нашем распоряжении, но в заголовочной строке они регулярно давались на первом месте – на это давало право то обстоятельство, что даже в деловых текстах, в сильнейшей степени отражающих аканье, традиционное *роз-* в приставке достаточно прочно сохраняет свои позиции. ср. *розогнал*, *розвез*, *розгонял*, *розорил*, *розломал*, *розайтитца*, *роспопа* (но и *разогнал*, *раскрали*) в Южн. чел. XVII в.

6. НОВЫЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

При работе с 11 и 21 томами мы стремились полностью учесть словник "Материалов" Срезневского. Не включались в наши выпуски слова, извлеченные И.И. Срезневским из староукраинских и старобелорусских грамот, и некоторые слова с глухой отсылкой на источник (так, не было включено слово *неродство*, данное в

"Материалах" со ссылкой на Козьму Пресвитера, поскольку это слово не удалось обнаружить в сводном словоуказателе к сочинениям этого автора). В части случаев, когда не поддающийся проверке материал представлял большой интерес, мы помещали его со ссылкой на том и столбец "Материалов" Срезневского, реже – со звездочкой; материалы, заимствованные Срезневским из словаря Востокова, давались со ссылкой на этот словарь, также с указанием тома и страницы. Обращение в подобных случаях непосредственно к словарю Востокова диктуется необходимостью установить характер источника, использованного при составлении той или иной статьи. В своем Словаре церковнославянского языка Востоков использовал данные словаря Миклошича (*Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti*. Windobonae, 1850), источники которого весьма неоднородны по своей языковой принадлежности и отражают разные изводы церковнославянского языка, глубоко проникнутые национально-языковой спецификой, то есть фактически являющиеся памятниками различных славянских языков. Интересна в этом отношении словарная статья *ракль* 'одежда', включенная в III том "Материалов" Срезневского. В цитате, в том виде как она взята у Востокова (*стяжаше себѣ убрѹщѣя пѣстры и мѣщѣя и раклѣ*), вызывает сомнение только форма *убрѹщѣя* вместо ожидаемого *убрѹщѣя*, хотя и лексема *ракль* воспринимается как несвойственная русскому языку. Источником словарной статьи *ракль* оказался словарь Миклошича (см. [Miklosich 1850: 146]). В более поздней работе Миклошича [Miklosich 1862–1865: 782] цитата присутствует в сербской орфографии: *стежаше себѣ убрѹще пѣстры и мѣщѣ и раклѣ*, в словаре же 1850 г., которым только и мог пользоваться А.Х. Востоков, сербская принадлежность памятника может быть установлена только при обращении к списку использованных источников [Miklosich 1850: VIII], орфография же (по крайней мере в рассматриваемом случае) нормализована по старославянскому образцу¹⁸.

Некоторые слова, включенные в "Материалы" Срезневского, оказались плодом недоразумения: существительное *невѣдѣ* (при сверке с фотомеханическим воспроизведением рукописи "Учения" Кирика оказалось *несѣвѣдѣ*), *нетворѣ* (сличение с латинским текстом показало, что *не* здесь – отрицательная частица, связанная с глаголом: *не творю... въслѣдовавъ* – поп vana secutus figmenta). Заголовочное слово статьи *нешаровѣный* оказалось комбинацией частицы *не* и прил. *шаровѣный* (в греч. οὐχὶ χρῶσθαι τοῖς ἄνθεσιν). Результатом неверного прочтения текста издателями Софийского временника оказалось слово *неждѣ* (слово *нежид* с выносным *д* было прочтано как *нежди*). Результатом описки оказалось написание *нонищи* в Синодальном списке Пандектов Никона Черногорца. В некоторых случаях иное, чем у Срезневского, деление текста на слова было подсказано контекстом: *не воли ся ему слушати мене, ни азъ же послѣдовахъ дѣломъ его* (в "Материалах" Срезневского из этого текста извлечен глагол *неволитися* с определением 'совершаться против воли').

При работе с 21 томом нам не удалось обнаружить в Шестодневе Иоанна Экзарха глагола *рабовати*; плодом ряда ошибок и недоразумений оказалось прилагательное *радованый* из Путятиной минеи. В Путятиной минее на л. 118 об. (В "Материалах" Срезневского – л. 117) читается: *Тя бѣрадованыими украшена, мѣще, добротами*. В "Материалах" сокращенно написанная первая основа с соединительным гласным *бѣ* была прочитана как частица *бо* (осталось незамеченным титло). Древний переписчик превратил *богодарованыими* (в греч. θεοδότοι, в майской минее XII в. – *богоданыими*) в *богородаваныими*. Нарушение синтаксиса, выявляемое при сопоставлении с греческим текстом, имело своим результатом ошибки в трактовке лексики переписчиками и позднейшими интерпретаторами.

От цитаты на *равнозаконие*, присутствующей в "Материалах" Срезневского с глухой ссылкой на Гр. Наз. XIV в., пришлось отказаться: по данным картотеки Словаря

¹⁸ В работе [Шаламова 1996: 33–34] подправка орфографии была ошибочно приписана А.Х. Востокову.

древнерусского языка XI–XIV вв. (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН), в которой лексика Слов Григория Богослова по сп. XIV в. учтена полностью, слова *равнозаконие* в этом памятнике не оказалось. Существительное *разъ*, заявленное в "Материалах" для двух текстов раннего периода, оказалось в одном случае продуктом неправильного словоделения (*в колицѣм разѣ* вм. *в колицѣ мразѣ* в Златоусте XII в.), в другом – результатом использования испорченного места источника: в ряде более поздних списков Богословия Иоанна Экзарха читается *с(ъ)разумѣши*, в сп. XII–XIII вв. *сыразурѣши*, причем ни одно из этих чтений не соответствует греческому (см. Ио. екз. Бог.¹, II, 46).

Помещенное в "Материалах" слово *раздѣя*, извлеченное из предположно-падежной конструкции *въ раздѣю*, также оказалось результатом порчи текста: издатель Ио. екз. Бог.¹ (II, 99) реконструирует для первоначального перевода глагольную форму *vrězdaĭatъ*, передававшую греч. προσβλάπτουσι.

Неудачной оказалась реконструкция глагола *раскужати* из написания *(ни) раскожаи* (см. Александрия, 119; так и в рукописи). В Александрии второй редакции читаем *(ни) раскожаи* (см. Александрия, 211), написание же Архивской рукописи *(ни) раскожаи*, точно переданное в издании В.М. Истрина, следует признать одним из отражений аканья в языке писца.

Реконструированное в "Материалах" сочетание *розмѣнная грамота* 'грамота об обмене' со ссылкой на запись Царств. лет. под 6944 г., имеет в приведенной там цитате написание *розменные* (через *е*). В других летописях (Воскр. лет. VIII, 99; Волог.-Перм. лет., 191; Лет. свод 1497 г., 101) под тем же годом читается *розметные*, *разметные*, т.е. 'грамоты с объявлением войны'.

Слово *пятидесятница* в значении 'день сошествия св. духа' или 'пятидесятидневный период от Пасхи до дня сошествия св. духа' в текстах XI–XVII вв. не встречается. Пример, приведенный в "Материалах" Срезневского, основан на печатном издании нелингвистического характера. В рукописи (шифр ее удалось установить по РИБ VI) нет слова *пятидесятница*. Там читается: *В недѣлю •Н• до вечерни ясти ли* (ОР РГБ, ф. 113, № 571, л. 44), Вероятно, следует читать "в недѣлю пятьдесятную", как видно из текстов цветных триодей XVII в.

Опущено в нашем выпуске и слово *пятникъ* 'пятенщик'. В "Материалах" оно дано на основании опубликованного в ААЭ I документа (по копии) с датой 1494 г. Та же грамота, опубликованная по подлиннику в АСВР I, 215 (с исправленной датой – 1462 г.), содержит в соответствующем месте правильное чтение *пятенищикъ*.

Не включались в словарь присутствующие в "Материалах" явно испорченные слова, извлеченные из неисправных отрезков текста (напр. *нырьвьнь*, *неудобньикъ*).

Обычно в предисловиях томов СлРЯ XI–XVII вв. не оговариваются расхождения в определении значений слов между СлРЯ и "Материалами" Срезневского. В большинстве случаев для подтверждения сформулированного определения при цитате приводится греческая параллель к толкуемому слову, или цитата дается в более полном виде, или предлагается иное словоделение, в силу чего читателю становится ясным ход мысли составителя. Больше внимания требует такая ситуация, когда материал, давший основание для выделения какого-либо значения составителям "Материалов" Срезневского, в результате дополнительных разысканий не получает места в семантической структуре словарной статьи СлРЯ XI–XVII вв. В одном случае речь идет о трактовке глагола *раздѣлити* в выборке из Новгородской кормчей 1280 г.: *А прочее все число взимати всѣмъ людемъ, в равъную часть разделитьи великаго и малаго*. В "Материалах" Срезневского на основании одного этого случая глаголу *раздѣлити* приписывается значение 'одедить'. Обращение к греческому оригиналу соответствующей статьи "Закона судного людем" (приведенный текст принадлежит именно этому памятнику в его краткой редакции и повторяется в таком же чтении в Варсонофьевской и Устюжской кормчих, см. Закон судный людем. Краткая редакция.

М., 1961. С. 36, 42, 48) показало, что для подобного понимания глагола нет основания (см. [СлРЯ XI–XVII вв., 21: 5]).

Проверка по текстам позволила расшифровать сомнительные чтения, на основании которых в "Материалах" И.И. Срезневского и в "Словаре церковнославянского языка" А.Х. Востокова слову *разоръ* были приписаны значения, не оправданные с точки зрения семантики составляющих его морфем и не имеющие подтверждений в родственных словах. Значение 'распря' сформулировано на основании выборки из Златой цепи XIV в.: *да не будутъ в вась разори* (Срз. III, 51), которая представляет собой цитату из 1 Кор. I, 10, где читается: *да не будут в вас раздори* (Чуд. Нов. завет XIV в.), *да не суть въ вась раздори* (Толст. Апостол XIV в.)¹⁹. В рукописи Златой цепи (РГБ, ф. 304, № 11) интересующее нас слово написано с пропуском букв: *разри* (л. 25 об.), над строкой вынесена только одна буква *о*, видимо, в результате небрежной правки. Вообще пропуски букв и слогов в этой рукописи нередки и далеко не всегда исправлены: *взожи на нь руку* (л. 51 об.) при *възложи* на той же странице. *потквы* (вм. *потаковы*) *творяща* (л. 46 об.), *побели* с надписанным сверху слогом *ги* (л. 2 об.), т.е. *погибели*.

Значение 'позор' (Срз. III, 50–51: Вост. II, 146), по крайней мере применительно к цитате из Кн. Иова XXXIII, 23, также оказалось построенным на описке: в Библии (Рум. № 28), которая, вероятно, и была источником для А.Х. Востокова (дата XV в. ошибочна?), слово *ззор* в результате антиципации конечного *р* превратилось в *разор* (в рукописи *разоръ*). очевидным подтверждением чему является написание *своа ззоры* в ближайших строках толкования (л. 220 об.); *ззоръ* читается также в соответствующем месте Книги Иова в Сборнике Волок. № 605 XV–XVI вв.: *пѣвъсть свои ззоръ* (л. 332 об.). Указание на Огласительные поучения Кирилла Иерусалимского проверить было невозможно, поскольку не указано место в тексте, однако и здесь весьма вероятна описка в результате антиципации.

Необходимость проверки возникала не раз и в отношении данных картотеки и ее источников. Не говоря уже об изданиях провинциальных, как Сл. и д. II, где избытуют опечатки (или неверно прочитанные слова), или столичных, но слабых в археографическом отношении, как Кн. гос. нар., в которых соответственно оказались (при сверке с рукописью) несуществующие слова *пьявство* (вм. *пьянство*) в Сл. и д. II, 26, *пятьелька* (вм. *петелька*) в Кн. гос. нар., 103, неправильные чтения встречаются и в изданиях, признаваемых весьма авторитетными. Так обстоит дело с СГГД и Дух. и дог. гр., причем ошибки первого из этих изданий воспроизводятся во втором. Это проясненное уже в 20-е годы нашего столетия неверное чтение СГГД *попьямъ* (в Дух. и дог. гр. *п(о)пьямъ* вм. *п(и)с(ку)пьямъ* в духовной грамоте Ивана Калиты (об этом случае писал и Унбегаун в 1935 г.)²⁰ и загадочное *пятьетемъ* (СГГД I, 135, без конечного *ъ* – Дух. и дог. гр., 119), которое, по мнению авторитетного историка В.А. Кучкина, следует интерпретировать как *пять тем*. Обращение к рукописи показало, что *пять темъ* написано без всяких отклонений от нормы: после *т* в числительном стоит *ь*²¹. В копии XV в. *т* выносное, что несколько не противоречит данным оригинала.

При просмотре словоуказателя в Изборнику 1073 г. (София, 1993), осуществленном на позднем этапе работы над 21 томом (с целью выявить лакуны в нашем словнике), нам пришлось столкнуться со словом-фантомом *пряжь, ж*. В тексте Изборника представлено существительное *подъпряжь*: Скоть же – имже подъпряжь вражия бы и послушникъ (ὑπὸ ζυγὸν ἦν τοῦ Βελαρ). Некоторые случаи воспроизведения слов в

¹⁹ См. Апост. (Воскр.), II, 6, 7.

²⁰ См. [Unbegaun 1935: 195, 196].

²¹ Тщательное рассмотрение графики рукописи РГАДА (Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 25) было осуществлено нами с помощью опытного источниковеда-лингвиста Л.Ю. Астахиной. Ей мы обязаны и уточнением других сомнительных чтений печатных изданий по рукописям РГАДА.

изданиях и картотечных выборках из рукописей, вызывавшие сомнения, были проверены по рукописям. Из результатов таких проверок следует указать, что чтение *непорочным дѣлом*, встретившееся в двух изданиях, новейшем и, как правило, лингвистически достоверном (Южновеликорус. нар., 231), и в издании начала века (Сл. и д. I, 165), не подтвердилось (в обоих случаях оказалось *ненарочным дѣлом*).

Словарь, находящийся в процессе составления, – развивающаяся система. Расширяется его источниковая база, появляются новые интерпретации древних текстов (например, берестяных грамот), накапливается опыт у автора (или авторов). С позиций сегодняшнего дня представляется необходимым внести ряд поправок к 11 тому. Первое исправление семантического плана вошло в список "Корректирующие замечания и исправления к выпуску 11 СлРЯ XI–XVII вв.", помещенный в конце 12 тома. Это была замена определения к существительному *недовѣрокъ*. В корректирующих исправлениях не было возможности указать польский источник этого слова – *niedowiarek*.

В статье **несоглядаемый** определение также должно быть иным: 'неисчислимый' применительно к цитате из Александрии (ср. примеры на *сꙗглядати* 'исчислить' в списках Пятикнижия, указанные в "Материалах" Срезневского); для ВМЧ, Сент. 1–13, ст. 11, речь идет, без сомнения, о значении 'обширный, очень большой по площади' – ср. псковской фразеологизм 'и глазами не сглядеть' 'очень много (о чем-нибудь простирающемся на большое расстояние, занимающем большую площадь)', описанный в: [Ивашко 1994: 16].

Статья **непоростный** должна быть устранена, поскольку в другом издании того же текста ("Акты хозяйства боярина Морозова". М.; Л., 1945. Ч. II. С. 88) читается другое слово: *масло б было чисто, не порошино*, что с наибольшей вероятностью можно интерпретировать как *непорочно* с фонетическим написанием *-ин-* на месте *-чн-* (ср. у Даля **непорочный** – о товаре – 'доброго качества, небракуемый, без недостатков'). В этом случае данный материал должен был бы занять место в словарной статье **непорочный**, обогатив ее еще одним значением.

Снятию подлежит статья **нетяжа**² – в работе 1993 г. А.А. Зализняк предложил иное словоделение для грамоты № 247: *въ не тяжѣ не дѣе* (см.: [Зализняк 1993: 149]).

Ошибочное словоделение допущено в статье **незакосня** – в действительности приведенный текст содержит словосочетание *не закосня* (в греч. $\mu\eta\delta' \delta\lambda\omega\varsigma \delta\nu\alpha\mu\epsilon\iota\nu\alpha\sigma\alpha$).

7. ПРОБЛЕМА ПОЛНОТЫ СЛОВАРЯ И ПЕРСПЕКТИВА НА БУДУЩЕЕ

Исторический словарь – это память народа о своем прошлом, о своей культуре. Лексикограф, работающий над большими отрезками словаря, глубоко и лично заинтересован в том, чтобы эта овеществленная память была полной и полноценной. Как было замечено еще И.И. Срезневским, "достаточно полный словарь никогда не может быть составлен с одного раза" [Срезневский 1854: 13]. Несмотря на наличие картотеки и привлечение дополнительных материалов, лексикограф иногда обнаруживает интересные факты случайно: так, глагол *разлетѣтися* был извлечен нами из словарной статьи **рѣтуть** в "Материалах" Срезневского. В той же цитате (из Златоструя XII века) находились еще два важных для словаря факта: ранняя фиксация глагола *разлитися* и очень интересное употребление слова *пугѣвица*. Не исключено, что такие случаи есть или будут и в картотеке ДРС. Приведенный пример заставляет думать, что самые обычные, сохранившиеся доныне слова остаются еще в довольно большом числе в недрах неизданных памятников, и ручная работа извлечения их из рукописей не может обеспечить потребности текущей историко-лексикографической работы. Имея в виду новые издания СлРЯ XI–XVII вв. (и окончание настоящего), мы должны думать о развитии источниковой базы исторической лексикографии.

Новая ступень в развитии исторической лексикографии предполагает введение в память машины не только материалов картотеки, но и в меньшей степени хотя бы наиболее интересных в лексическом отношении памятников и составление к ним

указателей, благодаря которым автор словаря сможет ознакомиться с каждым случаем употребления того или иного слова на экране компьютера. В идеале вводиться в машину должны издания памятников, снабженные параллельным греческим текстом и указателем слов и форм с их греческими соответствиями. Только в этом случае станет возможным сознательный отбор нужных контекстов и отпадет необходимость в огромной и малопродуктивной работе выписки карточек на все случаи употребления слова и подведения к ним греческих параллелей, с тем чтобы выбрать одну-две цитаты для включения в словарь. Только тогда станет возможным качественный сдвиг в лексикографической работе и мы узнаем с максимальным приближением к реальности богатство и разнообразие, изменчивость и устойчивость языка, который мы изучаем и на котором говорим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Востокова Г.В. 1984 – История и семантическое развитие образований с *полъ*(пол-/полу-) в русском языке XI–XVII вв. М., 1984.
- Вякина Л.В. 1964 – Сложные слова в древнерусском языке в их отношении к языку греческого оригинала // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I. Тбилиси, 1984.
- Зализняк А.А. 1993 – Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В.Т., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977–1983 годов. М., 1986.
- Иванико Л.А. 1994 – Диалектная фразеология и ее формирование на базе лексики народной речи. СПб., 1994.
- Истрин В.М. 1930 – Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. III. Греческо-славянский и славяно-греческий словарь. Л., 1930.
- Крысько В.Б. 1994 – R Ling. 1994. V. 18. № 2 – Rec.: Крысько В.Б. Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 18.
- Куликовский Г.И. 1898 – Словарь областного олонекского наречия. СПб., 1898.
- Мокиенко В.М. 1975 – Вариантность литературной фразеологии в диалектной речи // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975.
- Пауль Г. 1960 – Принципы истории языка. М., 1960.
- СДР XI–XIV – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–IV. М., 1988–1994.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–21, 22 (в печати), 23–. М., 1975–1996.
- Срезневский И.И. 1854 – Обзорение замечательнейших из современных словарей. СПб., 1854.
- СРНГ 1985 – Словарь русских народных говоров. Вып. 20. Л., 1985.
- Труды 1871 – Труды первого археологического съезда. М., 1871. Т. I.
- Чернышев В.И. 1927 – Отрицание *не* в русском языке. Материалы для словаря русского языка. Л., 1927.
- Шаламова А.Н. 1996 – Словарь русского языка XI–XVII вв.: проблемы и результаты (на материале двух авторских томов). Диссертация в виде научного доклада на соискание уч. степени докт. филол. наук. М., 1996.
- Dickenmann E. 1934 – Untersuchungen über die Nominalkomposition im Russischen. T. I. Leipzig, 1934.
- Gebauer J. 1970 – Slovník staročeský. II (K–N). Praha, 1970.
- Miklosich F. 1850 – Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti. Vindobonae, 1850.
- Miklosich F. 1862–1865 – Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.
- Miklosich F. 1869 – Die Negation in den slavischen Sprachen. Wien, 1869.
- Sadnik L. 1983 – Des hl. Johannes von Damaskus "Εκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως" in der Übersetzung des exarchen Johannes. Herausgegeben von Linda Sadnik. Bd. 3. Freiburg i. Br. 1983.
- SJP 1904 – Słownik języka polskiego. T. III. Warszawa, 1904.
- Unbegaun B.O. 1935 – La langue russe au XVIe siècle. Paris, 1935.
- Urbańczyk S. 1968 – Z dziejów przedrostka *nie-*: pozycja przyimka // Slavia occidentalis. Poznań, 1968.
- Vaillant A. 1974 – Grammaire comparée des langues slaves. T. IV. Paris, 1974.